

ОТЗЫВ

**официального оппонента доктора филологических наук, профессора
Зеленецкого А.Л. о диссертации ПИПЕРСКИ Александра Чедовича
«Динамика системы сильных глаголов в истории немецкого языка» –
Москва, 2014, представленной в Диссертационный совет Д 501.001.80
при ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»**

**к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.04 – германские языки**

Диссертация А.Ч. Пиперски «Динамика системы сильных глаголов в истории немецкого языка» посвящена казалось бы достаточно изученной в германистике проблеме индукции закрытого морфологического класса сильных глаголов слабыми глаголами, составляющими, как известно, потенциально бесконечный класс. И хотя, конечно же, историческая динамика немецкого сильного глагола этим переходом не исчерпывается (в частности, заслуживает внимания и процесс выравнивания гласного в формах сильного претерита в XIV – XVI вв.), диссертант, как думается, с полным основанием полагает, что в действительности выделенная им проблема еще недостаточно разработана (с. 4) и нуждается в основательном обсуждении соответственно специально разработанной для этой цели системе параметров (с. 5). Такая система параметров строится на основе теории так называемой «естественной морфологии» (*natürliche Morphologie*) и применяется в исследовании ко всем зафиксированным в древневерхненемецких материалах сильным глаголам.

В этой связи обращают на себя внимание следующие два момента.

Во-первых, несмотря на то, что типология динамики морфологии языков получила свое весьма серьезное обоснование именно в трудах В.У. Дресслера и его последователей, в известной мере парадоксальная мысль о возникновении индоевропейских языков «...в процессе преодоления гипертрофии флексии...» и их стремлении «...к рациональной агглютинации как к идеалу» была высказана еще в 30-е гг. Н.С. Трубецким, а в 60-е гг. причины устойчивости агглютинативного строя специально обсуждал Б.А. Серебренников, так что какого-либо «особого» открытия приверженцы «естественной морфологии» в данном случае не сделали. Да и вообще, проблема соотношения фузии и агглютинации так или иначе возникала и возникает в лингвистических дискуссиях практически со времени появления знаменитой работы Фр. Шлегеля.

Поэтому вызывает некоторое удивление тот факт, что буквосочетание «агглютина» поисковик в тексте диссертации не обнаружил ни разу, хотя, как нетрудно убедиться, в следующем фрагменте на с. 30 явно – пусть и без применения традиционных терминов типологии – описана именно техника агглютинации: «Что же касается слабых глаголов, то в них грамматические значения выражаются рядом друг с другом: показатель *-te-* выражает значение времени, а лично-числовые окончания непосредственно примыкают к нему».

Безусловно, обобщенная систематизация грамматических способов И.А. Мельчука, принятая диссертантом как достаточная (с. 12), вполне имеет право на существование, однако для истории индоевропейских – в том числе и германских – языков ее все же явно не хватает. В частности, совершенно очевидно, что противопоставление исходно трехморфемной (агглютинативной) структуры слабого претерита и развившейся вследствие редукции и опрощения к средневерхненемецкому периоду единой для сильных и слабых глаголов двухморфемной структуры презенса полностью отвечает принципу иконичности «естественной морфологии» и объясняет «эволюционную предпочтительность» слабого спряжения, как весьма удачно называет данное явление диссертант на с. 26. Другое дело, что при этом все равно не получает ответа вопрос о том, как в древнегерманских языках возникла ситуация с сохранившим в немецком до настоящего времени двухморфемное строение сильным претеритом (кстати, факт так и не упомянутый в диссертации) при трехморфемном презенсе.

Таким образом, из выносимых на защиту положений диссертации (с. 6 – 7) два первых сколько-нибудь серьезного обоснования, как кажется, не требуют, тогда как положения 4 – 6 представляют несомненный интерес, составляя ядро того анализа языкового материала, в ходе которого автор применяет собственные специально разработанные методики, определяющие **научную новизну и теоретическую значимость** его исследования (с. 5).

Во-вторых, некоторое удивления вызывает словосочетание «древневерхненемецкий язык» (впервые уже в Содержании на с. 2, а затем на с. 6 и неоднократно далее), поскольку речь в этом случае никак не может идти о некоем, как теперь принято выражаться «идиоме», но скорее о совокупности текстов относительно разнообразных жанров из различных регионов Франкского государства, а затем и Священной Римской империи. Более удачным кажется поэтому встреченное на с. 18 обозначение «древневерхненемецкая эпоха», хотя оптимальными в данном случае представляются все же такие термины, как «древневерхненемецкое состояние» (кстати, именно этот термин использован в заключительной главе на с. 151) или же просто «древневерхненемецкий», точно соответствующий субстантивации «das Althochdeutsche».

Наконец, в пределах Введения (с. 4) несколько странным выглядит использование (пусть и со ссылкой на проф. О.А. Смирницкую) термина «вербоцентризм» вне соотнесения с определенным типом моделирования предложения.

Что касается композиции обсуждаемой диссертации, то она представляется вполне логичной и хорошо продуманной. В ее первой главе рассматриваются основные теоретические и методологические предпосылки анализа языкового материала. Вторая (в известном смысле слова – центральная) глава представляет собой, по сути дела, фрагмент исторического словаря в составе 275 древневерхненемецких сильных глаголов с указанием их дальнейшей судьбы порой вплоть до настоящего времени. Третья глава содержит итоговый историко-грамматический анализ процесса перехода сильных глаголов в слабое спряжение с позиций «естественной морфологии», завершающийся полученным путем применения строгой статистической методики выводом, согласно которому система классов сильного глагола распадается к концу средневерхненемецкого периода, так что в

известной мере системный характер в ней сохраняют лишь бывшие глаголы первого класса и глаголы третьего класса с носовым в корне (с. 161).

В рамках первой главы наиболее значимыми для раскрытия проблематики диссертации представляются завершение § 2, а также §§ 4 и 5. Здесь сформулированы центральные вопросы диссертации: «...**как** именно происходит переход глагола из сильного спряжения в слабое..., какие глаголы подвергаются переходу из сильного спряжения в слабое и в какие периоды истории немецкого языка это имеет место» (с. 20), а также рассматриваются причины и механизмы этого перехода.

К числу причин перехода сильного глагола в слабое спряжение автор с полным основанием относит прежде всего меньшую индексальность и морфотактическую прозрачность сильных форм по сравнению со слабыми (с. 31), а также использование только слабого спряжения при освоении заимствований и при образовании новых слов (с. 33). Этими факторами обусловлена, по его мнению, «эволюционная предпочтительность» слабых глаголов в истории немецкого и других германских языков (с. 26).

При всей бесспорности этого вывода диссертанта, кажется все же целесообразным указать на некоторые требующие определенных уточнений частности излагаемых в первой главе положений.

Прежде всего неоправданно категоричным представляется заявление о наличии сильных глаголов во **всех** германских языках (с. 9), поскольку в языке африкаанс их существование все же крайне проблематично, а отдельные реликтовые формы сильного причастия II (типа *genome*) явно лексикализированы и не входят в словоизменительную парадигму глагола. Поэтому утверждение на с. 25 о полной конвергенции в африкаанс сильных и слабых глаголов кажется более обоснованным.

Несколько странное впечатление производит на с. 9 и далее относительно странное описание словоизменения немецкого глагол, уместное, скорее, в нормативной грамматике и тем более содержащее не вполне корректное использование термина «кондиционалис II», тем более, что, как видно из примеров на с. 10, речь на самом деле идет о кондиционалисе I.

Едва ли нуждается в особом упоминании и тот факт, что «...вариативность и нерегулярность на синхронном срезе являются результатом и явным свидетельством интересных диахронических процессов», ибо давно известно, что действительно вариантность есть не что иное как проявлении диахронии в синхронии.

Обсуждая в § 5 механизм перехода сильных глаголов в слабое спряжение, автор с полным основанием использует идею все тех же представителей «естественной морфологии» о невозможности для носителя языка хранить в памяти все формы всех слов (с. 35), что ведет к «аналогической достройке» словоизменения сильных глаголов по типу слабых (с. 36). По сути дела в данном случае описывается процесс все той же индукции (см. начало настоящего отзыва) нерегулярного словоизменительного типа типом с полностью «предсказуемыми» формами, как его еще в 60 – 70-е гг. прошлого столетия обозначали некоторые американские германисты. В отечественной германистике (в частности, в главах «Сравнительной грамматики германских языков», принадлежащих Э.А. Макаеву и

О.И. Москальской) это явление выступает под именем «индукция», почему-то ни разу не примененным в диссертации.

Высказываемая при этом мысль о том, что некоторые предпосылки для смешения сильных и слабых глаголов на основе так называемых шарнирных форм (прежде всего – форм презенса) имелись уже с самого начала древневерхне-немецкого периода и усилились к его концу вследствие развития редукции (с. 37 – 39) возражений не вызывает. То же самое можно отнести и к тезисам о том, что развитие индукции сильных глаголов слабыми вполне естественно тормозилось высокой частотностью отдельных лексем и сохранением чередования гласных в формах 2-го и 3-го лица ед. числа презенса.

Весьма удачным представляется также использование диссертантом понятия так называемого омонимического отталкивания при объяснении закрепления слабых форм причастия II глаголов *triefen* и *schwären* или взаимодействия непреходящих сильных глаголов с соответствующими каузативами (кстати говоря, достаточно часто представленного не только в истории немецкого глагола) при закреплении формы *geschmerzt* (с. 41).

Однако наиболее значимой – и в методологическом отношении весьма плодотворной – представляется формулируемая на с. 40 – 41 идея о том, что связанное с делением глаголов на сильные и слабые противопоставление носит не бинарный (в диссертации – категориальный), но **градуальный** характер, образуя достаточно развернутую шкалу переходов между морфологическими группами различной численности (схема 1, с. 40), так что расположение всякого отдельного морфологического класса и глагола на этой шкале так или иначе влияло на возможность перестройки его словоизменения.

Тем самым материал приводит диссертанта к мысли о полевой организации системы словоизменительных классов глаголов, хотя сам термин «поле», весьма популярный в отечественном языкознании, в диссертации и не встречен.

Вторая глава диссертации содержит весьма информативный словарь немецких сильных глаголов, засвидетельствованных в древневерхненемецких текстах. В общей сложности, как уже было отмечено, словарь этот включает 275 единиц, для каждой из которых подробно прослеживается ее история вплоть до настоящего времени.

Примером может служить 11-я микростатья с описанием глагола *bītan* 'ждать', демонстрирующая достаточно детальный анализ особенностей морфологии глагола и ее изменений на протяжении более чем тысячелетнего развития.

«В др.-в.-нем. глагол встречается как без преверба, так и с превербами, незначительно модифицирующими значение: *gibītan*, *irbītan*. В ср.-в.-нем. к этим глаголам (*bīten*, *gebīten*, *erbīten*) добавляются также лексемы *enbīten* и *verbīten*. В др.-в.-нем фиксируются сильные формы претерита и причастия II [Graff 1834–1846: III, 62–64]. В ср.-в.-нем. встречаются уже формы как сильного, так и слабого спряжения, поскольку этот глагол смешивается со своим каузативом *beiten*; а значит, можно говорить о том, что глагол *bīten* пережил частичный переход в слабое спряжение. В ранненововерхненемецком языке этот глагол обнаруживает морфологическую лакуну в прошедшем времени: хотя строго доказать неприемлемость его форм прошедшего времени невозможно, однако весьма показательно, что он

перестает использоваться в прошедшем времени и в причастии II уже к XVI веку [Paul 1916–1922: II, 207]. В Bonner Frühneuhochdeutschkorpus находим один пример слабого прошедшего времени от этого глагола (*beitte*; тюрингский диалект, XV век) и 23 примера форм от основы настоящего времени разных эпох. Из этого следует, что в р.-н.-в.-нем. глагол *beiten* уже можно считать слабым, хотя не было бы преувеличением назвать его глаголом с дефектной парадигмой. Как бы то ни было, дефектность парадигмы привела к тому, что из употребления вышли и формы от основы настоящего времени, и в современном немецком языке глагол не фиксируется.

Итак, глагол *bītan* в др.-в.-нем. изменялся по сильному спряжению, в ср.-в.-нем. имел вариативность, в р.-н.-в.-нем. перешел в число слабых глаголов, а в совр. нем. утратился».

В выводах по главе на с. 122 приведена сводная таблица, наглядно демонстрирующая сокращение числа сильных глаголов на протяжении исторического развития немецкого языка.

Единственное замечание, связанное с этой главой, сводится к тому, что, едва ли бесспорно корректно, несмотря на уже достаточно устоявшуюся традицию, применять ко времени вплоть до ранненововерхненемецкого периода термин «орфография» (с. 45).

Третья глава, содержащая статистический анализ перехода сильных глаголов в слабое спряжение, в полном смысле слова занимает центральное место в изложении авторской концепции общей динамики немецкого сильного глагола.

Открывается она весьма детальным обзором системы древневерхненемецких и средневерхненемецких сильных глаголов (с. 124 – 138), приводящим автора к вполне обоснованному заключению о малой пригодности традиционной системы семи классов В. Брауне для правильного понимания сущности перестроек немецкого глагольного словоизменения. Основываясь на шести формах каждого из обсуждаемых в диссертации глаголов (с. 127), он распределяет древне- и средневерхненемецкие сильные глаголы по 20 словоизменительным группам (с. 137), сохраняя в их символических обозначениях номенклатурную преемственность с традиционными семью классами, как это явствует из следующего перечня на с. 137: (IA, IB, IIA, IIB, IIA-AOR, IIB-AOR, IIIA, IIIB, IV, VDEF, VJ, VIDEF, VIJ, VIIA, VIIĀ, VIIĒ, VIIĒI, VIIō, VIIou, VIIuo).

На с. 138 – 144 представлена сводная таблица данных об истории (точнее говоря, об изменении морфологического типа) всех 275 фигурирующих в диссертации сильных глаголов с отнесением каждого из них к одному из перечисленных классов. При этом указываются тип спряжения каждого из глаголов в некоторую эпоху, а также обозначаемые специальными символами сдвиги в спряжении при переходе от одной эпохи к другой.

На основании данных этой таблицы далее подсчитывается размер (мощность) каждой из выделенных морфологических групп сильных глаголов для каждого периода истории немецкого языка и определяется его место (ранг) в общей системе сильного глагола (с. 148 – 150).

Эти подсчеты служат затем отправной точкой для проверки двух главных гипотез, выдвигаемых в начале § 3.5 и гласящих, что и при переходе от древневерх-

ненемецкого к средневерхненемецкому, и при переходе от средневерхненемецкого к ранненововерхненемецкому языковому состоянию склонность сильных глаголов к переходу в слабое спряжение связана с размером группы, в которую они входят (с. 151).

Проверка гипотез проводится путем применения теста Уилкоксона – Манна – Уитни, позволяющего установить, есть ли значимое отличие между двумя множествами элементов по некоторому количественному параметру.

В результате применения этого теста, сводящегося к достаточно нетривиальным подсчетам вероятности перехода сильных глаголов отдельных морфологических групп в слабое спряжение, автор приходит к заключению, что при переходе от древневерхненемецкого к средневерхненемецкому глаголы из небольших групп обнаруживают явную склонность переходить в слабое спряжение, а при переходе от средневерхненемецкого к ранненововерхненемецкому и от ранненововерхненемецкого к современному немецкому такая закономерность не обнаруживается (с. 154). Это отчетливо демонстрируют цифры приводимой на следующей странице для всех рассматриваемых в диссертации 20-и классов сильных глаголов таблицы. Данное наблюдение диссертант считает важным аргументом в пользу того, что уже к концу средневерхненемецкого периода система классов сильных глаголов перестала представлять собой психолингвистическую реальность и сильные глаголы приобрели тем самым статус лексикализованных исключений из общего правила образования глагольных форм, окончательно уступив место общего правила слабому спряжению.

Известная устойчивость сильного типа, как уже отмечено, представлена только у сильных глаголов 1-го класса и у глаголов 3-го класса с носовым в корне (с. 156 – 157). Относительно устойчивы к индукции слабого спряжения также специально «испытываемые» в диссертации статистическими приемами анализа глаголы с чередованием гласного в презенсе (с. 157 – 160).

В целом вторая и третья главы, содержащие детальный и в высшей степени интересный в плане лингвистической **теории и практики** (в частности, практики прогнозирования ошибок при обучении немецкому языку) анализ языкового материала не вызывают каких-либо принципиальных замечаний.

Текст диссертации весьма тщательно выверен автором, так что в нем замечена всего одна опечатка на с. 41. И если не считать модного научного жаргонизма «постулировать» (напр., с. 50, 52, 59) и явного злоупотребления авторскими «мы» и «наш» (напр., с. 70, 74, 75, 151, 153, 154), то к нему не может быть серьезных замечаний редакционного характера.

Диссертация в целом должна быть оценена **весьма положительно** как опыт серьезного применения оригинальных и точных методик анализа в целях проверки и уточнения казалось бы достаточно изученного в германистике языкового материала.

Основные выводы диссертации А.Ч. Пиперски не вызывают возражений, его работа весьма **актуальна** прежде всего в отношении использованного в ней комплекса исследовательских методов и открывает четкие перспективы дальнейшего изучения распада немецких сильных глаголов, в частности, при учете стилисти-

ческих, жанровых и иных особенностей текстов. Результаты диссертационного исследования изложены в восьми публикациях, которые, как и автореферат, адекватно отражают основные положения диссертации.

В соответствии с изложенным можно утверждать, что диссертация Александра Чедовича Пиперски «Динамика системы сильных глаголов в истории немецкого языка» соответствует всем критериям Положения о присуждении ученых степеней (пп. 9, 10) и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для германистики, так что ее **автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки.**

Профессор кафедры теории
языкознания и немецкого языка
ФГБОУ ВПО «Калужский
государственный университет
им. К.Э. Циолковского»,
доктор филологических наук

А.Л. Зеленецкий

14.11.14

Актацию подписи
Зеленецкого А.Л.
удостоверено.
Первая преректор

 /Корев М.Б./

**Сведения об официальном оппоненте по диссертации А. Ч. Пиперски
«Динамика системы сильных глаголов в истории немецкого языка»
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.04 — германские языки**

ФИО: Зеленецкий Александр Львович

Ученая степень: доктор филологических наук

Ученое звание: профессор

Должность: профессор

Место работы: кафедра теории языкознания и немецкого языка ФГБОУ ВПО
«Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»

Почтовый адрес: 248000, Калуга, ул. Ленина, д. 83, к. 18

Телефон: (4842) 57-00-06

e-mail: batavista@yandex.ru

**Список основных публикаций по теме оппонируемой диссертации
за 2012–2014 гг.**

**д.ф.н. А. Л. Зеленецкого,
профессора кафедры теории языкознания и немецкого языка
ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского»**

Зеленецкий А. Л. Теоретический курс немецкого языка как второго иностранного: учебное пособие. — М., 2012.

Зеленецкий А. Л. Историческая динамика класса модальных глаголов в западногерманских языках // Динамические процессы в германских языках. — М., 2012. С. 30–39.

Зеленецкий А. Л. Содержание и организация теоретического курса немецкого языка как второго иностранного // «Немецкий язык в образовательном пространстве России: традиции и инновации». Международная научно-практическая конференция. 19–20 ноября 2012 г., МГОУ. — М., 2012.

Зеленецкий А. Л. Некоторые замечания к социолингвистической типологии германских языков // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. — Калуга, 2012. С. 264–274.

Зеленецкий А. Л. Местоименные наречия в средненидерландском (на материале высокой драмы «Эсмореит») // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школы России: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Калуга, 2013. С. 23–26.